

— О люди милостивые! Подайте то, что дал вам аллах! Одну ана!

Голос слепой лился широко и свободно. Пальцы лежали на вырезе возле груди. Другой рукой девочка отбросила за плечи пряди шелковистых волос. Личико с заостренным подбородком покрыто нежным загаром. А мимо шли люди, и каждый видел не дальше собственного носа.

Но вот мужчина с темным лицом зашептал что-то на ухо своему низенькому спутнику. Тот погладил короткие усы. Жаркие взгляды устремились на бедра девочки. Похотливые, раздевающие донуга взгляды... Хадер заметил их. Так смотреть на слепую, нищую, согнувшуюся в мольбе!

Перебивая людской говор, загредел голос торговца:

— Эй! То, что продают за полтора динара⁵, я отдаю за триста фельсов⁶. Даром! Просто даром! Американские рубашки...

— О люди милостивые! — раздавался нежный голос девочки. — Подайте то, что дал вам аллах! Одну ана!

Слепая медленно, очевидно устав, повторяла одни и те же фразы, мольбу о помощи. Мужчина остановился возле нищей. Бесстыжие глаза ощупывали ее с головы до ног. Вдруг, быстро нагнувшись, он ущипнул девочку за бедро.

Хадер не помнит, как случилось, что его грубые, смуглые, костлявые пальцы с набухшими жилами сильно сжали плечо негодяя. Широко раздувшиеся ноздри втянули прохладный воздух, глаза засверкали...

— Зачем так делать?! — медленно спросил он, четко выговаривая слова. Вдохнул глубоко еще раз и быстро закончил: — Разве не видишь — она нищая, слепая, хромая!

Кровь бросилась мужчине в лицо. Он расвирипел. На багровых щеках задрожала кожа. Вокруг собиралась любопытная толпа...

Пальцы, державшие мужчину за плечо, нащупали что-то в верхнем кармане, какую-то безделушку. И во внутреннем кармане тоже что-то есть...

— А тебе чего?! Что пристал? — отрывисто и гневно кричал мужчина.

«Вот обчищу его сейчас да скажу людям, что он приставал к слепой... Нет! Изобью! Сломаю переносицу! Нет! Росту мы одинакового — ударю головой в лицо! В кровь расквашу!»

Волнение нарастало. Противники стояли, глядя друг другу в глаза. Холодно, сурово. Быстро летели секунды. Не выдержав, мужчина отвернулся к своему низкорослому спутнику и проглотил слюну. Хадер ошетинился, словно кот, но спокойно, как обычно, сказал:

— Лучше уйди!

— О люди милостивые! — послышался снова голос девочки. — Подайте то, что дал вам аллах! Одну ана!

Мужчина вздрогнул и отошел в сторону.

Хадер помедлил, чувствуя какую-то пустоту, а затем, неловко ступая больной ногой, пошел туда, откуда слышался голос девочки. Между пальцев проскользнула холодная ана.

— Возьми, дочка! — тихо пробормотал он.

Ана упала прямо в протянутую руку.

— Спасибо тебе, дядя! Аллах тебе подаст!

Девочка снова надела деревянный башмак на руку, привычно, монотонно повторяя:

— О люди милостивые! Подайте то, что дал вам аллах! Одну ана!

Хадер прислонился к каменной колонне, глядел на девочку. По улице проезжали большие красные автобусы. В уши бил шум города, живущего своей жизнью.

Хадер поднял потупленную голову. Десятки спин, ног и ботинок. Все люди шли куда-то, к чему-то стремились. И только он один ощущал необыкновенную усталость, усталость от жизни.

Перевел с арабского
Игорь Лебединский

БУЮНГ САЛЕХ

Индонезийский поэт

МЫ СЧАСТЬЕ ВОЗВЕДЕМ СВОИМ ТРУДОМ

Одно лишь слово, и людская совесть
Покровы тайны скорбно поднимает.
Одно лишь слово — тягостная повесть
Тасикмалаи!¹
Кто ее не знает!

Не встретишь жизни на глухих просторах.
Иссыкая земля, от жажды задыхаясь,
Свои бугры багровые вздымает,
Как будто небу мрачно шлет укеры
Тасикмалая — нищая, немая.

Пусть трус дрожит, а нам достался жребий
Любить — творить, живого не губя.
Любовь не в том, чтобы просить у неба —
Чтоб, словно солнце, отдавать себя.

Восходит жизнь, ее не переспоришь,
Зеленой нивою на высохшей земле,
Как памятник былых, но пройденных историй,
Как слава тем, кто здесь оставит след.

В миноре низко голоса звучат,
Грусть вековая залегла в очах,
И песня боли льется вековая.
Но люди встали, люди не молчат,
Взлетает клич над обреченным краем:
«Своим трудом, всей силою любви
Излечим раны старые твои,
Моя Тасикмалая!»

Пусть мысли высь, натруженные руки
И сердца зов пребудут нам порукой.
Мы счастье возведем своим трудом.
Пусть песня жизни вьется, не смолкая,
Над краем горным, над счастливым краем,
Где ныне борется моя Тасикмалая!

Перевел с индонезийского
Станислав Семиволос

¹ Тасикмалая — местность на Западной Яве.

⁵ Динар — основная денежная единица в Ираке.

⁶ Фельс — мелкая монета. В одном динаре 10 тысяч фельсов.